

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-45-57

УДК (UDC) 81`3

*Jan Gallo,
Constantine the Philosopher University,
Nitra, Slovak republic
Ян Галло,
Университет Константина Философа в Нитре,
Нитра, Словакия*

*For citation: Gallo Jan, (2023).
Understanding and Interpretation of the Scientific Text:
Discursive and Stylistic Aspect.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 45-57 (in USA)*

Manuscript received: 29/01/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПЕРТАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ДИСКУРСИВНО-СЛИТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF SCIENTIFIC TEXT: DISCURSIVE AND STYLISTIC ASPECT

Abstract:

The article is devoted to the issue of understanding and interpretation of scientific texts from discursive, pragmalinguistic and stylistic point of view based on the material of contemporary Russian scientific texts. In the part 'Introduction' the meaning of the term „interpretation“ and „text interpretation“ and also the significance of understanding of the text content by addressee is presented. In the part 'Theory' there discussed the different approaches to understanding and interpreting the text as well as the functioning of the interpretation mechanism connected with presupposition. In the section 'Data' the attention is focused on the types of the text and techniques understanding and main steps of the hermeneutical process. There also given the different approaches to the problem of perception and text interpretation. In the main section 'Received Results' the focus is on presenting those means that actualize the image of its author when compiling a scientific text as well as those that are able to draw the reader's attention to the meaning inherent in the text and direct perception in the direction given by the author (questions, inclusive pronouns, directives, explanatory inserts, references to well-known information, various language tools). The paper ends with a summary of the investigated problems.

Keywords: addresser, addressee, text interpretation, scientific text, text understanding, means of addressing

Введение

Значение слова «интерпретация» определяется в словарях как «толкование», «изъяснение», «раскрытие смысла». Интерпретация текста – раскрытие того содержания, которое в нём заложено. Следовательно, чтение любого текста, вообще любой акт восприятия речи (при условии, конечно, что человек понимает читаемое или слышимое) есть интерпретация – интерпретация для себя. Очевидно, что интерпретация текста может быть более или менее глубокой, более или менее полной. По нашему мнению, основная задача интерпретации текста как исследовательской деятельности и как учебной практики заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нём помимо авторской воли; не только постичь для себя, но и разъяснить другим.

Несмотря на то, что научные тексты предполагают однозначность их прочтения, относительная вариативность понимания содержания связывается с особенностями воспринимающего его субъекта: целями, мотивами, побудившими обратиться к данному тексту; спецификой его когнитивной базы, объёмом фоновых знаний, глубиной проникновения в содержание читаемого и т. д. Заинтересованность адресата в понимании текста зависит от объёма научно-ценностной информации, заложенной в нём. Акцентируя научный текст, в статье представлены и некоторые общие взгляды к проблеме восприятия и интерпретации текста. В качестве средств адресации, способствующих пониманию научного текста, рассмотрим те, которые, во-первых, актуализируют при формировании научного текста образ его автора и, во-вторых, способны привлечь внимание читателей к заложенному в тексте смыслу и направить восприятие в заданном автором направлении.

Теория

В настоящее время в лингвистике сложились разные подходы к пониманию и интерпретации текста. Первый исходит из того, что «интерпретация представляет собой получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний; второй подход сосредоточен на изучении интерпретационного компонента в содержании языковых единиц, дифференциации и взаимодействия мыслительной основы и её языковой интерпретации (способе представления), которая реализуется в различных типах структурирования смысла. Можно также говорить об интерпретации своего/чужого поведения» [22, с. 3]. Таким образом, согласно Ю. Н. Земской и кол. «текст, включаясь во внетекстовую деятельность, выступает и как результат интерпретации, и как средство интерпретации, и как внешние условия интерпретации» [25, с. 154].

Текст как результат интерпретации представляет собой итог, освоение и адаптации, слушающим содержания исходного, передаваемого говорящим, текста. Это принятие полученной информации и включение её в картину мира, слушающего.

Текст как средство интерпретации рассматривается в том случае, когда речь идёт о функционировании интерпретационного механизма. В качестве значимого компонента в интерпретационный механизм включается пресуппозиция. Согласно Н.

С. Валгиной пресуппозиция – это «компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание можно назвать фоновым знанием. Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста. Фоновые знания – это знания реалий и культуры, которыми обладают говорящий и слушающий» [24, с. 13]. Именно от пресуппозиции зависит «запуск» интерпретационного механизма: фоновые знания определяют, какой компонент содержания текста нуждается в дополнительном истолковании или в каком компоненте значения заключён имплицитный смысл. Механизм интерпретации субъективен. Качественный состав пресуппозиции определяет доминанту интерпретации: будь это категория образа автора, категория семантики структуры текста, лексические способы интерпретации или аргументация как способ интерпретации.

По мнению Ю. Н. Караулова, аргументация является достаточно типичным и частотным механизмом интерпретации, так как изначально индивидуально-субъективна. «Аргументация всегда адресована – адресована определённой личности или группе людей. В этом отношении её можно противопоставить доказательству, которое бывает безадресным, универсально приложимым к любому кругу оппонентов и универсально используемым любым кругом оппонентов» [13, с. 245]. С точки зрения аргументации, механизм интерпретации представляет собой функционирования модели поискового поведения, говорящего и слушающего.

Интерпретацию текста иногда заменяют очень подробной регистрацией конкретных языковых средств. Какое бы ни было точное и подробное перечисление, на наш взгляд, оно отличается от интерпретации. Интерпретацией становится упорядоченное размышление над функцией этих средств в структуре текста. Это может быть камнем преткновения, так как не существуют заранее готовые ответы, невозможно, например, утверждать, что одно средство имеет только одну функцию или, что одну функцию может выполнять только одно средство (что, однако, с другой стороны, не является абсолютно произвольным).

Способ действия в интерпретативной работе с текстом осуществляется в виде постановки вопросов и рассмотрения вероятностных ответов, решений и выбор из них наиболее адекватного. Средствами являются языковые знаки. Знаками в герменевтической деятельности выступают как слова, так и предложения, сверхфразовые единства, знаком может служить форма текста (его стилевая и жанровая принадлежность), различные элементы текста (эпиграфы, цитаты, его графическое представление) [25, с. 196-197].

Данные

Г. И. Богин выделяет следующие типы понимания текста:

- 1) семантизирующее понимание, т. е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции;
- 2) когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание;
- 3) смысловое (феноменологическое) понимание, построенное на распрямлении идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой

номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста. Последние выступают не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода» [3, с. 53].

Каждому типу соответствуют свои техники понимания:

1) семантизирующему типу соответствует техника декодирования, где знаку приписывается определённое значение;

2) когнитивному – техника интериоризации контекста ситуации (контекстная догадка), техника наращивания смыслов микротекстов и техника соединения актуализируемых знаний с усматриваемыми признаками отраженного в тексте объекта;

3) смысловому типу соответствует распредмечивание средств текста, коррелятивных со смыслами и неравных при этом средствам прямой номинации, реактивация прошлого опыта значащих переживаний и, наконец, переконцентрация – переключение личностной установки, сопровождаемое практическим абстрагированием от мыслей и чувств, не относящихся к содержательности понимаемого текста (эмпатия) [3, с. 63 – 71].

Типология понимания, с другой стороны, отражает степень сложности процесса интерпретации, и, следовательно, уровень развитости языковой (текстовой) личности.

Работа по интерпретации текста или герменевтический процесс содержит четыре основных этапа.

Первый этап соответствует «предварительному наброску» [6, с. 318], вхождению в текст сообщения. Герменевтический контекст задаёт предпонимание, смысловое предвосхищение, антиципацию, реализуемые через совокупность установок истолкователя. Начинается создание герменевтического круга с предварительного наброска: «тот, кто хочет понять текст постоянно осуществляет набрасывание смысла, как только в тексте начинает проявляться какой-то смысл, он делает предварительный набросок всего текста в целом» [там же].

Таким образом, на наш взгляд, результатом стадии предпонимания является комплекс вопросов, стоящих перед читателем, а осознание каждой из установок определяет возможную линию интерпретации.

Второй этап протекает как истолкование, в форме ответов на вопросы, что отражает логическую структуру герменевтического процесса: «знание может быть лишь у того, у кого есть вопросы» [6, с. 429].

На третьем этапе читатель, обобщая ответы, полученные на предыдущем этапе, определяет результаты истолкования. При филологической работе с текстом результаты истолкования представляются вербализованно, могут иметь форму аналитического отчёта, рецензии, редакторского отзыва, предисловия к изданию, т. е. в тех жанровых формах, которые предполагают отклик, ответ на авторское понимание, опредмеченное в тексте.

На четвёртом этапе осуществляется момент аппликации, или применения результатов, интеграции полученной информации в читательский опыт.

По мнению З. Я. Тураевой «существуют две противоположные тенденции относительно интерпретации текста: 1) текстовый агностицизм – абсолютизация самодостаточности текста, отчуждённого от субъективного читателя; 2) текстовый солипсизм – отрицание объективного значения текста. Согласно этой точке зрения он существует только в субъективном читательском восприятии. Между этими крайними точками зрения лежит широкий спектр трактовок» [23, с. 129].

В целом существуют различные подходы к проблеме восприятия и интерпретации текста, которые согласно Д. Б. Гудкову исходят в своём анализе из разных принципов:

1-й путь: автор → текст → реципиент.

Главным считается понять замысел автора. Следовательно, правильное понимание – понимание смысла, заложенного автором.

2-й путь: текст → реципиент.

Главная задача – выявить возможности, заложенные в тексте для его толкования и интерпретации. Автор, в данном случае, как бы выносится «за скобки». Реципиент имеет «полную» свободу, ограниченную совокупностью его индивидуально-личностных качеств.

3-й путь: реципиент → текст [ср. 8, с. 99–108].

Главное – выявление характеристик самого реципиента (например, социума), которое диктует восприятие определённого текста. Толкование текста рассматривается как жёстко обусловленное характеристиками самого воспринимающего текст.

При практическом применении третьего подхода возникает не менее сложная задача определения того, какие особенности интерпретации текста определены национальной культурой, социумом, а какие – индивидуальными особенностями языковой личности.

По мнению Д. Б. Гудкова, одна из главных причин различий в интерпретации одних и тех же текстов заключается в различных алгоритмах минимизации текста, выделения его «узловых точек». В результате «узловые точки» (существенные характеристики текста) фиксируются, а остальные (несущественные характеристики) отбрасываются, игнорируются [ср. там же, с. 99–108].

Методы

Основу исследования составляют избранные средства адресации в русских научных текстах. В теоретической части статьи основой является метод описания и интерпретации взглядов избранных авторов на рассматриваемую проблематику. В практической части методологической основой исследования является дискурсивно-стилистический и коммуникативно-семиотический подходы. В качестве основных методов данной части были применены: метод наблюдения, метод прагмалингвистического анализа и метод интерпретации.

Полученные результаты

Интерпретация текста – это раскрытие того содержания, которое в нём заложено. Следовательно, чтение любого текста, вообще любой акт восприятия речи (при условии, конечно, что человек понимает читаемое или слышимое) есть интерпретация – интерпретация для себя. Очевидно, что интерпретация текста может быть более или менее глубокой, более или менее полной. Основная задача интерпретации текста как исследовательской деятельности заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нём помимо авторской воли; не только постичь для себя, но и разъяснить другим.

Интерпретация рассматривается нами как высший уровень понимания, способ раскрытия смысла текста, форма проявления познавательной активности реципиента. Воспринимаемая от автора информация интерпретируется адресатом в его собственной семиотической системе с установкой на понимание семиотической системы автора. Данная процедура сопровождается операциями догадки, сопоставления, сравнения со своей системой. В результате интерпретации научного текста, производимой параллельно с процессом познания, происходит не только восстановление смысла текста, но и его приращение. Адекватность интерпретации адресатом излагаемой в тексте информации находится в прямой зависимости от особенностей его мышления, объёма знаний, пресуппозиции. Немаловажную роль играет также настойчивость адресата, его желание глубоко вникнуть в содержание текста, понять замысел автора. Проникновение в сущность концепции автора во многом определяется тем, занимается ли адресат исследованием в этой области, знаком ли с основополагающими работами автора изучаемого научного произведения, с его манерой изложения, со смыслом, вкладываемым в используемую терминологию, и т. д.

Процесс понимания текста, следовательно, зависит от понимания (а) языковых единиц, (б) соотношения их с референтами, (в) текстовых единиц. Языковые единицы (грамматические и смысловые) составляют внутреннюю структуру текста. Адекватность интерпретации научного текста зависит от понимания текстовых единиц, которые обусловлены экстралингвистическим контекстом, детерминирующим осмысление содержания текста – «научного знания, синтезирующего научно-познавательную деятельность» (16, с. 112). Применительно к научному тексту среди экстралингвистических условий, определяющих его смысловую структуру, выступают следующие факторы: 1) специфика познавательной научной деятельности; 2) природа и структура знания; 3) механизмы научного творчества; 4) характер коммуникации; 5) особенности текстопорождения в научной сфере [2]; 6) предшествующий опыт участников коммуникации (адресанта и адресата); 7) замысел автора; 8) когнитивные тактики и стратегии реципиента.

Понимание и интерпретация текста адресатом, в конечном счёте, должны обеспечивать ту реакцию, на которую рассчитывает адресант, и зависят от способности и возможности адресата погрузиться в дискурс адресанта. Это может быть связано с объективными и субъективными факторами. К объективным относится *конкретная ситуация*, в которой происходит интерпретация данного текста, к субъективным – (а) концептосфера адресата, (б) личные психологические особенности, (в) возможность понять замысел автора, (г) увидеть имплицитные смыслы текста.

Понимание научного текста осуществляется в процессе освоения, содержащихся в его концептосфере представлений, образов, концептов автора. Постоянный обмен между коммуникантами данным когнитивным содержанием способствует обогащению и уточнению как научной, так и языковой картины мира, пониманию излагаемой автором концепции.

Условием успешности научной коммуникации является адекватное декодирование авторского замысла адресатом. Итак, автор научного текста, открывает своё коммуникативное намерение партнёру по коммуникации (т. е. читателю или реципиенту) через систему средств адресации, он всегда ориентирован на партнёра. В данной части нашей статьи мы рассмотрим, с одной стороны, те средства, которые актуализируют при составлении научного текста образ его автора, и, с другой

стороны, те средства, которые способны привлечь внимание читателя к заложенному в тексте смыслу и направить восприятие в заданном автором направлении.

1. Вопросы – действенное средство поддержания диалога автора с читателем. Это самые очевидные и быстрые сигналы, позволяющие автору вовлечь читателя в дискуссию. Их функции малочисленны: вызвать интерес у читателя, выразить отношение или оценку, передать утверждение, наметить направления дальнейших исследований и т. д. Как правило, использование вопросов в качестве способов передачи интерактивности характерно для гуманитарных дисциплин. С их помощью быстро устанавливается межличностная связь в научном тексте. Именно поэтому наиболее заметно вопросы как сигнал интерактивности используются в первую очередь авторами учебников и затем в исследовательских статьях. Например: *Возникает вопрос: каким образом соотносится разграничение трёх вышеперечисленных видов анафорических структур с разграничением тематических, опорных и ключевых слов?* [29, с. 221]; *Чем же речь отличается от языка?* [30, с. 12]; *Зачем же нефилологу знать, что связывает и что различает язык и речь?* [30, с. 5]; *Разве нельзя без этого обойтись и говорить так, как говорится?* [30, с. 5]; *Какое же содержание вкладывается в каждое из этих понятий?* [30, с. 6]; *Какие же функции выполняет естественный национальный язык?* [30, с. 6].

2. Инклюзивные местоимения – наиболее активный материал для самоссылки, а также обращения к читателю (адресату). В русскоязычных научных статьях часто используется местоимение «мы» как коллективное «мы», напр.: *В данной статье мы рассмотрим фрагмент концепта, сформированный на основе выборки единиц из журнала...* [35, с. 205]. Употребление местоимения «мы» можно наблюдать даже в тех случаях, когда у статьи один автор, напр.: *Важным для нашего* (т. е. моего – Я. Г.) *исследования представляется столкновение чрезвычайно формальной манеры речи ...* [34, с. 199].

Очевидно также, что (не)использование инклюзивного местоимения «мы» (и местоимений вообще) – это решение автора: нет чётких правил в отношении представления личности учёного в научной статье. Поэтому мы можем наблюдать, что в некоторых научных текстах отсутствуют любые формы самоссылки, а в некоторых – обнаруживается несколько инклюзивных местоимений, например: *Между строк мы можем прочитать, насколько внимательно герой изучает старую мебель... Мы буквально видим, как он прикасается к старой ткани... Целая история или даже целая жизнь проносится у нас перед глазами* [29, с. 225]. Как видно из примера, инклюзивные местоимения в научном тексте превращают адресата в участника представленной автором работы дискуссии.

3. Директивы – речевые акты, призывающие к действию (напр. *см., обратите внимание* и т. д.). Их присутствие в научном тексте сигнализирует о желании автора вести (направить) читателя, чтобы он «не потерялся» в потоке информации. Директивы позволяют наладить контакт между автором и читателями. К. Хайланд выделяет текстуальные, физические и когнитивные директивы [9]. Физические директивы призывают читателя выполнять физические действия, которые могут относиться к исследовательскому процессу. Следующий пример демонстрирует использование физического директива, имеющего связь с реальностью: *Теперь необходимо проверить текстовую частотность наиболее информативных звуков*

[29, с. 225]. Когнитивные директивы вовлекают читателя в новую область знания или аргумент, проводя его через объяснения автора. В русских научных текстах учёные используют когнитивные директивы, чтобы выделить наиболее важные аспекты своей научной работы и сохранить безличный и формальный тон дискурса: **Необходимо отметить**, что в языке Вудхауза мы можем найти огромное количество эпитетов [34, с. 200].

В русскоязычном научном тексте внутренние текстовые директивы представлены более активно, чем внешние. Это такие примеры, как: *Ср. в рус.* С помощью данного директива автор статьи обращает внимание читателя на перевод с английского, представленный прямо в тексте. Или пример внешнего текстового директива: *Главной же отличительной чертой ключевого слова принято считать семантико-стилистическую многослойность [см.: 2,3, 4, 6, 7]* [29, с. 221].

4. Пояснительные вставки – это заметки (комментарии) автора, позволяющие ввести в текст статьи дополнительную информацию, с помощью которой читателю легче воспринимать информацию. Пояснительные вставки налаживают диалог и интенсифицируют контакт между автором и его целевой аудиторией. В целом, пояснительные вставки позволяют адресату лучше понять суть обсуждаемого вопроса: *... вмещает все свои эмоции – или их отсутствие – в один-единственный звук* [34, с. 197]; *Наиболее распространённым типом урока по языку признаются аспектные уроки (при комплексном характере обучения в целом)* [26, с. 4].

5. Ссылки на общеизвестную информацию (с. 133) – обычно выражены речевыми средствами, которые подчёркивают, что определённая часть передаваемой информации известна в равной степени и автору, и его/её читателям. Это делается для того, чтобы установить в дискурсивном пространстве у читателя чувство идентификации с вопросами, затрагиваемыми автором. Одним словом, это стратегия установки диалогичности, реализованная с помощью обращения к общеизвестной информации, мотивирует читателя признать передаваемую информацию как известную и приемлемую. Как правило, к ссылкам на общеизвестную информацию можно отнести профессионализмы, употребляемые в данном дисциплинарном направлении, метафоры, обсуждаемые проблемы и т. д. При реализации ссылок на общие проблемы в научном тексте наиболее типичны выражения: *разумеется, конечно, очевидно, традиционно*, например: **Очевидно**, что проксематический фактор речеповеденческого кода позволяет говорить о пространственных стереотипах... [31, с. 236]. В результате использования подобной ссылки между автором и читателем возникает чувство солидаризации.

6. Языковые средства, концентрирующие внимание адресата на важных моментах содержания с помощью различных средств с оценочными значениями (лексика, грамматические конструкции, хеджи и др.).

Анализируя лексический языковой уровень научных текстов, у авторов встречается разнообразие тематической и стилистической направленности примеров (на разных языках). Очевидной особенностью научных текстов является их специализированная лексика (общенаучная терминология, напр. *нарратив, серная кислота, анютины глазки, интертекстуальность текста, парадигматика, гравитация, спряжение, гипотеза, молекула, синтез* и др.; узкоспециальная терминология, напр. *денотат, шарикоподшипник, гидравлический цилиндр, претекст*,

паратекст, девальвация и др.) связана с предпочтениями автора, его индивидуальным стилем и его взглядами, которые отражают параметры, регулируемые конкретным научным сообществом (имеются в виду темы, методы и коммуникативные подходы). И выражения *с точки зрения; согласно; как следует; с одной стороны, с другой стороны; вслед за...; соответственно; следует подчеркнуть; как следует из...; как можно легко заменить* способствуют в научных текстах линейному смысловому развитию и успешной передаче идеи автора для читателя.

Грамматические конструкции отличаются 1) пассивностью и использованием возвратных форм глаголов заканчивающихся на *-ся*, например: *В зависимости от структуры и типа связи были определены следующие типы словосочетаний...; В статье рассматриваются семантические и грамматические особенности словосочетаний...* 2) использованием активного залога в предложениях, в которых а) вводится авторитетное мнение, например: *так, А. Н. Щукин указывает, что...;* б) даётся ссылка на лингвистическое и научное сообщество в целом, например: *Лингвисты также разграничивают понятие стереотипа и обрядовых действий.*

Авторы научных текстов, указывая на своё мнение, кроме пассивных конструкций употребляют и местоимение «мы» в соответствующей форме, выражая солидарность с академическим сообществом, например: *На наш взгляд, такой подход наиболее полно учитывает особенности словосочетаний* [32].

В простых предложениях авторы зачастую употребляют вводные выражения (слова и словосочетания), например: *Согласно данной точке зрения, к словосочетаниям относятся единицы с ...* [32, с. 60]. Другие примеры вводных слов и словосочетаний *значит; кроме того; следовательно; таким образом; наконец; итак.*

По мнению К. Хайланда, к средствам, позволяющим автору передать собственное мнение в научном тексте, можно отнести хеджи, бустеры – усилители мнения, маркеры мнения и ссылки на себя [10]. Хеджи – это лексические единицы (слова и выражения), которые могут в тексте выполнять функции маркеров, передающих неуверенность, скромность или вежливость автора к академическому сообществу. Способы выражения модальности, передающие позицию автора, также относятся к хеджам, например: *Возможно, этот цветок указывает на особенности героини ...* [33]; *В русском языке им соответствуют безличные предложения типа ...* [28]; *Норма права... имеет довольно сложную структуру* [27].

Слова усилители (бустеры) интенсифицируют позицию автора, передают уверенность в излагаемой информации, в своей точке зрения (*Причём следует подчеркнуть, что маркером этой информации является именно вставочный модус с глаголами мысли и речи* [28, с. 78]), а также часто позволяют создать условия для формирования чувства солидарности с читателем: *Естественно, что можно делать выводы-предикции на основании свидетельств, имеющих в настоящем ...* [28].

В. Е. Чернявская отмечает, что ориентация научного текста на читателя достигается также с помощью таких приёмов, как риторические вопросы, например: *Какой же смысл вкладывается в понятие «культура» сейчас?* [30, с. 16]; *В чём же главные особенности и сущность культуры?* [там же, с. 17]; императивные конструкции «в роли обращений, регулятивов, советов, рекомендаций», например в рекламных текстах: *Купи!; Поторопитесь!; Сделайте ваш выбор!* [по Интернету], а также использование визуальных средств привлечения внимания (например, схемы, рисунки и т. д.) [5, с. 45].

Заключение

Процесс понимания, как и любая человеческая деятельность, предполагает наличие мотива, цели, способов действия и средств осуществления. Процесс понимания – декодирующая текстовая деятельность, мотивом которой выступает стремление разрешить непонимание, целью – найти наиболее „правильную“, удовлетворяющую интерпретацию, способ действия определяется стратегией, избираемой герменевтом, средствами – знаки и знаковые комплексы различной длины и сложности, вычлняемые в тексте.

Герменевтическая работа с текстом распадается на четыре этапа: анализ установок (предпонимание), процесс истолкования, вербализация (фиксация) результатов интерпретации, интегрирование нового знания в герменевтический опыт.

Существующие типы понимания (семантизирующее, когнитивное, смысловое или распрямечивающее) образуют систему герменевтической практики; при восхождении от данного типа к другому предыдущая ступень встраивается, интегрируется в более высокую. Вершиной практики и высшей формой герменевтического опыта является такое коммуникативное отношение, такая позиция в коммуникативном пространстве, при которой текст занимает позицию второго субъекта в коммуникативном акте, причём позицию центральную, главенствующую.

Научный текст, как и любой другой, создаётся с установкой на понимание, обеспечивающее адекватность его интерпретации. Процесс понимания научного текста осуществляется по следующей схеме:

- 1) поиск общего смысла научного сообщения (информации);
- 2) восприятие слов-концептов;
- 3) раскрытие смысловой синтактики предложений-высказываний;
- 4) восстановление целостности воспринятого научного текста;
- 5) воссоздание актуальной внутренней номинации адресанта.

Несмотря на то, что научные тексты предполагают однозначность их прочтения, относительная вариативность понимания содержания связывается с особенностями воспринимающего его субъекта: целями, мотивами, побудившими обратиться к данному тексту; спецификой его когнитивной базы, объёмом фоновых знаний, глубиной проникновения в содержание читаемого и т. д. Заинтересованность адресата в понимании текста зависит от объёма научно-ценностной информации, заложенной в нём.

Знание и понимание механизма интерпретации научного текста позволяет адресанту заранее прогнозировать поведение читательской аудитории и является необходимой характеристикой профессионального мастерства.

Задача научного текста – не только довести информацию до адресата, но и воздействовать на него. Воздейственность связана с умениями привлекать внимание к исследуемым вопросам, убеждать в правильности излагаемых научных концепций, акцентировать своевременность постановки проблем, побуждать к изучению смежных с рассматриваемой проблемой вопросов, вовлекать в дискуссию по освещаемым в тексте вопросам. Доступность текстов обеспечивается способностью адресанта при чрезвычайной насыщенности своего концептуального пространства отбирать, структурировать то, что соотносимо с прогнозируемым концептуальным пространством адресата, его прагматическими пресуппозициями. Реализация целей

воздействия достигается разными путями: через стандартные речевые формулы, языковые и текстовые средства и т. д.

В русском научном тексте менее активное использование инклюзивных местоимений компенсируется директивами, которые авторы используют для акцентирования внимания читателей на важных аспектах текста, сохраняя типичный для письменного научного текста безличный и формальный тон. Нечастое использование вопросов в русских научных текстах также указывает на отсутствие необходимости фокусировать внимание адресата на наиболее важных разделах текста (т. е. ответственность за интерпретацию ложится на читателя), выразить авторитетность, принимать менее формальный тон.

Русский научный текст также отличается безличностью и употреблением коллективного местоимения «мы». Происходит реализация социального плана, который формируется именно с помощью инклюзивного «мы» когда автор «объединяет свои проблемы с проблемами аудитории» и солидаризуется с предполагаемым получателем информации [18, с. 71]. Использование в русских научных текстах местоимений способствует усилению его интерактивности и приближает друг к другу автора и его читателей. Одновременно реализуется стратегия солидаризации, которая позволяет объединить обе стороны коммуникативного процесса единым контекстом, проблемами, обсуждаемыми в данном научном тексте.

References:

1. Alefirenko, N. F. Text i diskurs: uchebnoye posobiye dl'a magistrantov. / N. F. Alefirenko [i dr.]; pod obsch. red. N. F. Alefirenko. – M., Flinta – Nauka, 2011. – 232 s.
2. Bazhenova, E. A. Nauchny text v aspekte politekstual'nosti: monografiya. / E. A. Bazhenova. – Perm: Izd-vo Perm, 2001. – 270 s.
3. Bogin, G. I. Filologicheskaya germeneytika. / G. I. Bogin. – Kalinin: KGU, 1982. – 86 s.
4. Boguslavskaya, V. V. Modelirovaniye texta: lingvosociokul'turnaya koncepciya. Analiz zhurnalistskich textov. / V. V. Boguslavskaya. – M., Izd-vo LKI, 2011. – 280 s.
5. Chernyavskaya, V. E. Intepretaciya nauchnogo texta. / V. E. Chernyavskaya. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2010. – 128 s.
6. Gadamer, G. G. Istina i metod. / G. G. Gadamer / Per. s nem.; obsch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – M., Progress, 1988. – 704 s.
7. Gorschov, A. I. Russkaya stilistika. Stilistika texta i funkcional'naya stilistika: ucheb. dl'a pedagogicheskich universitetov i gumanitarnykh vuzov / A. I. Gorschov. – M., AST: Astrel', 2006. – 367 s.
8. Gudkov, D. B. Mezhekul'turnaya kommunikaciya: problemy obucheniya. / D. B. Gudkov. – M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000. – S. 99–108.
9. Hyland, K. Directives: Argument and Engagement in Academic Writing // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23 (2). P. 215-239.
10. Hyland, K. Academic discourse: English in a Global Context. / K. Hyland – London – New York: Continuum, 2009. – 215 p.
11. Chutyž, I. P. Akademicheskij diskurs. Kul'turno-specifichnaya sistema konstruirovaniya i translyacii znaniy: monografiya. M., Flinta – Nauka, 2015. – 176 s.
12. Kalechyts, A. Prahmatyčnyja presupaziciji formul prabačėňňa, apravdaňňa i prymireňňa / A. Kalechyts, 2021 // Slavica Nitriensia. 2021. – № 1 – S. 37-84.

13. Karaulov, Ju. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. / Ju. N. Karaulov. – M., URSS 2002. – 264.
14. Kováčová, Z. Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie / Z. Kováčová – Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010. – 216 s.
15. Odincov, V. V. Stilistika texta / V. V. Odincov. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2010. – 264 c.
16. Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX vv. T. 2. Stilistika nauchnogo texta (obschiye parametry). Ch. 2. Kategorii nauchnogo texta: funkcionál'no-stilisticheskij aspekt / Pod red. M. N. Kozhinoy. – Perm: Izd-vo Perm. un-ta, 1996. – 395 s.
17. Referovskaya, E. A. Kommunikativnaya struktura texta v lexiko-grammaticheskom aspekte / E. A. Referovskaya. – M., Izd-vo LKI, 2007. – 168 s.
18. Samarina, I. V. Kommunikativnye strategii «sozdaniye kruga chuzhich» i «sozdaniye kruga svoich» v politicheskoy kommunikacii (pragmalingvisticheskij aspekt): dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. – 158 s.
19. Sokolova, J. Verbal'nyj text. Ocherki o mono-, semi- i polikodovosti / J. Sokolova. - Saarbrücken, 2016. – 198 s.
20. Sokolová, J. Texty – Zobrazenia – Komunikáty. / J. Sokolová. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2017. – 330 s.
21. Solganik, G. J. Stilistika texta: ucheb. posobiye / G. J. Solganik. – M., Flinta – Nauka, 2009. – 256 s.
22. Tripol'skaya, T. A. Predisloviye. // Problemy interpretacionnoy lingvistiki: chelovek – text – adresat: sb. nauch. trudov; redkol.: T. A. Tripol'skaya (otv. red.) [i dr.] . – Novosibirsk: NGPU, 2001. – 168 s.
23. Turayeva, Z. J. Lingvistika texta. Text: Struktura i semantika: Uchebnoye posobiye. / Z. J. Turayeva. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2009. – 144 c.
24. Valgina, N. S. Teoriya texta. / N. S. Valgina. – M., Logos, 2003. – 280 s.
25. Zemskaya, Ju. N. Teoriya texta: ucheb. posobiye. / Ju. N. Zemskaya [i dr.]; pod obsch. red. A. A. Chuvakina. – M., Flinta – Nauka, 2010. – 224 s.

a. Sources

26. Bitechtina, N. B. – Gorbanevskaya, G. V. – Domenko, N. V. i dr. Metodicheskaya masterskaya. – M., Russkiy yazyk. Kursy, 2010. – 176 s.
27. Bondareva, N. A. Problemy uporyadochivaniya pravovoj terminologii v aspekte social'no-kognitivnoj sistemy // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 163-169.
28. Buglak, S. I. Subjektivnyj predikativ i evidencial'nye narechiya angliyskogo yazyka kak sredstvo peredachi informacii hearsay // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 77-83.
29. Golimbovskaya, E. S. Anafora textovogo charaktera so frankoyazychnoy poezii // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2012. № 1(1). S. 220-228.
30. Ippolitova, N. A. – Knyazeva, O. Ju. – Savova, M. R. Russkiy yazyk i kul'tura rechi: uchebnik. / pod red. N. A. Ippolitovoj. – M., TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. – 440 s.
31. Karimova, D. Ch. Urovni analiza proksematiceskogo povedeniya v mezhlichnostnom obschenii // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2012. № 1(1). S. 229-237.

32. Rychkova, T. A. Grammaticheskiye i semanticheskiye osobennosti slovosochetaniy, nazyvajushich ritual'nye dejstviya // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 60-68.
33. Stepanenko, O. A. Evoluciya yazykovoy kartiny mira v nemeckom khudozhestvenno-literaturnom diskurse // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1. Filologiya. 2012. № 1. S. 115-123.
34. Shabunina, E. V. Angliyskiy yumor kak lingvokul'turnoye yavleniye (na materiale tvorchestva P. G. Woodhousa // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1. Filologiya. 2012. № 1. S. 196-203.
35. Shevcova, V. V. Koncept „Education“ / Obrazovaniye kak fragment yazykovoy kartiny mira amerikancev // Filologiya kak fundament gumanitarnogo znaniya. Kn. 2. Krasnodar, 2012. S. 204-208.

Information about the Author:

Jan Gallo (Nitra, Slovak republic) – PhD., Associate Professor of the Department of Slavic Languages, Constantine the Philosopher University in Nitra, 128 published articles. ORCID ID: 0000-0001-7113-9235; SCOPUS Author ID: 57956653600; WOS Researcher ID: AAG-5493-2020. E-mail: jgallo@ukf.sk

Contribution of the Author. The author contributed equality to the present research.